

Киреевский Николай Васильевич

40 лет постоянной охоты

Из воспоминаний старого охотника

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
40 лет постоянной охоты: Из воспоминаний старого охотника / Киреевский Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 167 с.

ISBN 978-5-519-89077-9

ISBN 978-5-519-89077-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Любезный 3-й.

Дозг. Цензур. Москва, 3 мая 1875 г.

Тип. А. В. Кудрявцевой.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первое изданіе предлагаемой книги, напечатанное въ 1856 г. въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, по желанію автора вовсе не было въ продажѣ. Покойный Кирѣевскій печаталъ свои отрывочныя записки только для своихъ близкихъ знакомыхъ и товарищей по охотѣ и эта книга въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Это обстоятельство въ связи съ интересомъ представляемымъ самой книгой и личностью автора и побудило насъ напечатать ее. Воспоминанія Н. В. Кирѣевскаго, извѣстнаго всѣмъ охотникамъ средней Россіи, хотя бы по наслышкѣ, несматривая на то, что не представляютъ стройнаго систематическаго цѣлаго и имѣютъ эпизодическій характеръ, а потому и почти лишены научно-охотничьяго значенія — дороги какъ псовымъ, такъ и ружейнымъ охотникамъ,

его знавшимъ, такъ какъ въ нихъ ясно очерчиваются какъ грандіозныя охоты нашихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ и личность этого послѣдняго изъ нашихъ Могикановъ, всю жизнь свою посвятившаго на служеніе охотѣ и тратившаго на нее громадныя деньги. Кто изъ охотниковъ не слыхалъ о выѣздахъ на охоту, о псарномъ дворѣ и о крайнемъ педантизмѣ и знаніи дѣла Кирѣвскаго во всемъ, что касалось охоты.

Вотъ почему, при бѣдности нашей охотничьей литературы, ограничивающейся или спекулятивными переводами и компиляціями по Аксаклову, Вакселю, Основскому—мы полагаемъ, что трудъ Кирѣвскаго, какъ оригинальный и самостоятельный, не лишень значенія и будетъ радушно принятъ охотниками.

ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА,

съ 1815 по 1856 годъ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой....

Первый выстрѣлъ по сидячей птичкѣ рѣшилъ мою участь: съ похода 1815 года я сдѣлался страстнымъ ружейнымъ охотникомъ,—но, увы, начало мое было самое горькое. Отъ Петербурга до Вильны я стрѣлялъ изъ одноствольнаго ружья (Медингера), но стрѣлялъ безуспѣшно. Единственная выбитая изъ стаи кряква, и та не досталась въ мои руки: встрепенулась и улетѣла. Такая неудача не укротила однако моей страсти къ охотѣ: воротившись зимой въ Петербургъ, я купилъ нѣсколько ружей, въ числѣ которыхъ одно было отличное (извѣстнаго ружейника Грунтова).

Весной съ товарищемъ я ѣздилъ казнить невинныхъ птичекъ въ Новую Деревню и Колымаги. Я началъ шататься по Лахтинскимъ болотамъ и по взморью. Вначалѣ я ѣздилъ на утокъ, на своемъ иликѣ, по Невѣ, по взморью, по и тутъ, по незнанію дѣла, совершенно безуспѣшно. Потомъ я сталъ ходить съ егеремъ—мушкетеромъ, отличнымъ стрѣлкомъ; и тутъ только увидалъ я, какъ говорится, свѣтъ, и хотя рѣдко, но гаршнепы и бекасы начали попадать въ мой яхдташъ. Такъ прошло время до 1818 года. Стрѣлялъ же я все еще неудачно.

Сдѣлавшись ремонтеромъ, вопреки желанію и знанію дѣла, я былъ за это вознагражденъ возможностью охотиться до-сыта и на чудныхъ болотахъ. Купивъ лягавую собаку незадолго до отъѣзда изъ столицы, я имѣлъ средство серьезнѣе ознакомиться съ болотной охотой.

Купленная собака, по имени *Каронъ*, была совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: отлично выдресирована, неутомима, съ отличнымъ чутьемъ и крѣпкой стойкой. Все это для молодого охотника было чистымъ кладомъ,—и не прошло года, какъ я уже могъ называть себя стрѣлкомъ и бивалъ по 7 и 8 бекасовъ безъ промаха; но стрѣлялъ и стрѣляю почти на вскидку постоянно.

На охоту, въ теченіе круглаго года, мнѣ не нуж-

но было отъѣзжать далѣе 8 верстъ,—и я охотился страстно и безъ отдыха.

Наконецъ настали морозы. Долгоносыя покинули свои кормныя болота,—но страсть не покинула меня. Какъ сидѣть большую часть года въ деревнѣ и не охотиться? И вотъ судьба, вопреки желанію, породила во мнѣ другую наклонность. Псовая охота, при моей страсти къ ружью, была мнѣ противна, и къ тому же совершенно незнакома. Одинъ близкій сосѣдъ какъ-то насильно навязалъ мнѣ борзаго щенка, котораго и выкормилъ мой старый отцовскій псарь. Кличка этому щенку была *Пальванъ*. Окажись *Пальванъ* собакой пустой, я бы, можетъ быть, и не вписался въ ряды псовыхъ охотниковъ,—ну, а тутъ судьба рѣшила иначе,—за что я, впрочемъ, приношу ей искреннюю благодарность. *Пальванъ* вышелъ собакой одиночной, бѣгу ничему не было, въ чемъ я могъ не разъ удостовѣриться. Рѣзвость *Пальвана* уничтожила во мнѣ антипатію къ псовой охотѣ,—и къ веснѣ у меня уже было 16 гончихъ и нѣсколько своръ борзыхъ. Поѣздка по службѣ въ Полтаву позволила мнѣ заѣхать къ Л.... вичамъ. Тамъ я досталъ лихаго коня и псовыхъ собакъ породы кн. Щ....ва, славившейся не въ одномъ своемъ окологдѣ.

Родоначальниками моихъ борзыхъ были *Любезный*, бѣлый псовый кобель, и купленная щенкомъ сучка

Украза (пеловая). Обѣ эти собаки весьма замѣчательны. Первый—красотой и прутостью, вторая—рѣзвостью. Пометъ отъ нихъ состоялъ изъ 10 красивѣйшихъ собакъ, какихъ только я когда-либо имѣлъ.

Новая страсть нисколько не изгнала во мнѣ первоначальной. Сначала весны стрѣльба, потомъ кратковременное полеваніе съ гончими и борзыми, а во время дневокъ—опять стрѣльба.

До 1 сентября псовая охота отдыхала, но когда я выѣзжалъ въ отъѣздъ, ружье и лягавые псы не были забыты.

Такъ продолжалось до 1852 года, когда я оставилъ псовую охоту по слѣдующимъ причинамъ: дальніе отъѣзды сдѣлались тягостны; стая гончихъ пришла въ упадокъ; борзые тоже. Зайцовъ стало мало и я отказался отъ нихъ.... Но ружье осталось и останется вѣрнымъ спутникомъ стараго стрѣлка, покуда ему будутъ служить руки и ноги.

Теперь постараюсь припомнить и рассказать нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ, случившихся во время моей продолжительной охоты.

Когда я былъ еще ремонтеромъ, въ самый Покровъ, мнѣ случилось отправиться на заранѣе отысканный въ большомъ *отъемъ* выводокъ волковъ. Это было мое первое звѣриное поле.

Островъ былъ окруженъ сворами борзыхъ съ надлежащей тишиной; гончихъ завели снизу; я сталъ въ головѣ *острова*, на короткомъ перелазѣ, изрѣзанномъ волчьими тропами. Гончихъ бросили безъ порсканья, вблизи волчьихъ норъ (слово „норы“ не соотвѣтствуетъ своему названію, но такъ принято на охотничьемъ языкѣ). Гонцы скоро отозвались, начали подваливать, и стая закипѣла. Погода стояла тихая, гоньба была слышна далеко.... Тогда-то мурашки пробѣжали у меня по тѣлу и сильно забилося молодое еердце. *Островъ* оканчивался длинной, узкой полосой *мелочей*, тянувшейся къ мѣсту, которое избралъ я. Гоньба близилась ко мнѣ; наконецъ улюлюканья стали слышны, и вдругъ, въ *мелочахъ*, открылся фронтъ доѣзжачихъ, несущихся во всю прыть, съ поднятыми арапниками; сомнѣваться болѣе было невозможно—звѣрь катить. На сворѣ у моего стремяннаго были двѣ собаки—*Любезный* и красивѣйшая изъ всѣхъ сукъ—*Цыганка* (породы собакъ г. Кривцова). Не могу передать, что тогда происходило во мнѣ!... Вотъ крики все ближе и ближе; наконецъ послышалось: „Баринъ, береги, въ ноги“! И въ слѣдъ за этимъ, волкъ, сѣрый врагъ поселянъ, выкатилъ ко мнѣ съ поднятой дыбомъ шерстью. „Пускай!“ крикнулъ я стремянному. Въ одно мгновеніе *Цыганка* съ попереку

хватила грудью жданаго гостя, полетѣвшаго кубаремъ; *Любезный* принялъ въ шиворотъ, — и ножъ очутился въ боку звѣря. Восхищеніе охотника, въ первый разъ затравившаго волка, не-къ-чему описывать: охотники поймутъ мой восторгъ.

Стаю сбили, завернули, и не прошло получаса, какъ другой экземпляръ былъ выставленъ на то же мѣсто и такимъ же образомъ второчень. Рядомъ со мной, съ лѣвой стороны, стоялъ сосѣдъ, при-страдившій меня къ охотѣ (тотъ самый, что подарилъ мнѣ *Пальвана*). Это былъ добрый старикъ... но въ какое доброе сердце не упадетъ частичка зависти!... Онъ поздравлялъ меня, но послѣдствія доказали, что поздравленія эти не были искренними.

Въ то же время другой волкъ былъ соструненъ изъ-подъ гончихъ, третій изъ-подъ борзыхъ (о чемъ донесли мнѣ доѣзжачіе). За тѣмъ стали опять по своимъ мѣстамъ, опять бросили стаю и опять у меня заколотилось сердце. Не долго ждали мы: вновь показались псари, послышалась гоньба, и гоньба по волку съ подлаемъ. Еще разъ высунулся противъ меня сѣрый; но тутъ сосѣдъ не выдержалъ, улюлюкнулъ и толкнулъ свою лошадь, хотя ни онъ, ни собаки не могли поспѣть къ звѣрю. Волкъ, излома ногу, верть въ мелоча. Закипѣло мое молодое сердце и злость взяла меня на сосѣда. Я былъ на ли-